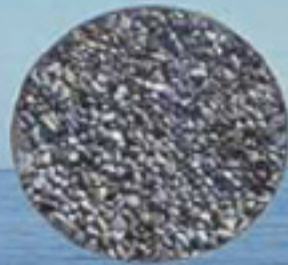

В и к т о р и я М а м о н о в а

Morpho menelaus

Виктория Мамонова

Morpho menelaus

«Алетейя»

2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Мамонова В.

Morpho menelaus / В. Мамонова — «Алтейя», 2014

Morpho menelaus – вид бабочек с синей окраской крыльев. Жизненный цикл бабочки определяет диапазон символического прочтения образа в разных культурах, где она ассоциируется с душой, возрождением, любовью, огнем и жаром. «Morpho menelaus» (книга огня) – третья книга Виктории Мамоновой. Она продолжает исследование, начатое в «Пластических формах» (книге воды) и «Границе света» (книге воздуха). Образ стихий, широко представленный в истории философии и эстетики, начиная от Милетской школы и заканчивая работами Гастона Башляра, Викторией Мамоновой трактуется поэтически и не имеет прямых соотношений с обозначенными традициями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Мамонова В., 2014
© Алтейя, 2014

Содержание

«По ту сторону доксы – парадоксы ...»	6
Постапокалиптический город	7
Или-или	8
«С тобой хочется говорить ...»	9
«Есть обращение образа в пространстве ...»	10
«чем раньше тем быстрее чем старше тем дальше ...»	11
«Последняя Книга пульсирует ...»	12
Берегоморе	13
«и что ты всё зовешь сирен, инкубов, ангелов и сов ...»	14
«С какого-то момента мы подобны сообщающимся сосудам ...»	15
Синецветики	16
«Вот как формируются массы?...»	17
Глаз на прогулке	18
«облака нарезают небо свежими ломтями лазурита ...»	19
«И никаких параллелей!..»	20
«Конечно, ведь завтра – не конечное ...»	21
«есть у дождя четыре техники письма ...»	22
«и я всматриваюсь в тебя ...»	23
Каштаны	24
1	25
2	26
3	27
4	28
5	29
6	30
7	31
8	32
Предвосхищение	33
«Физика взорвавшихся звезд ...»	34
«Каждая новая жизнь, как страница на латыни ...»	35
«Я летела, отдавшись потоку ветра ...»	36
Сад Рёандзи	37
«источник свидетельствования – не скрижали ...»	38
«В дыхании утра растут минуты ...»	39
«когда я слышу тебя в песне поля ...»	40
Федерико Гарсиа Лорка	41
Веста	42
«Пусть сказанное слово воплотится ...»	43
«Виктория – все-таки имя нарицательное ...»	44
«Гармония небесной пустоты...»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктория Мамонова

Morpho menelaus

© В. Мамонова, 2014

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

«По ту сторону доксы – парадоксы ...»

По ту сторону доксы – парадоксы:
Эйнштейн – реинкарнация Зенона —
Признал движение стрелы в покое,
Когда ее пронзает яблоко Ньютона.

Хоть всякое движение и невольно
Имеет тяготения довольно, чтоб
В со-творение трение претворить,
Но в скорости лидируют фотоны.

Есть в световом продлении тона
Потенция быть не-волною: квантом.
А Парменид, понятно, зорче прочих
В запрете нет, небытия и многоточий.

Постапокалиптический город

По расстроенным струнам электропроводов,
продвигаясь к первым всходам
свернутых в трубочку облаков,
взглянула на червяков,
перемещающихся ползком,
сосущих молоко
мертвой матери, —

давно
нуждается в новых формах
непогрешимость основ,
составляющих трехликое единство,
что, раскачиваясь в воздухе
под действием ветров,
грозит рухнуть вовсе;

но я как все:
спешу, ползу – никто,
прогуливаюсь изредка,
меняя ракурсы и взгляды,
по струнам электропроводов:
наш город сверху удивительно похож
на микросхемы, чипы, платы – их чертеж.

А я мечтала с Маяковским все-таки о саде.

Или-или

И когда однажды приходит время поступка
неотвратно, как время второго рождения,
ты смотришь на мир в недоумении: вестимо,
Мировое сознание отражает посыл адресата,
надсадно разносясь по зеркальным нейронам:
и вскоре ты восклицаешь надрывно, радостно,
неопределенно: «О, Боже, второе рождение!»
Да, его не отсрочить, перенеся на мгновение,
на день, месяц, год, десятилетие вперед, жизнь,
следующую в вирт-среде, на Земле или Марсе.
На всякий случай можно приготовить снасти
для рыбки золотой, а если угодит акула? Тогда?
Оставить зомби-двойников жить на автопилоте;
самой, не будучи пилотом, уйти, залечь на дно,
что шевелится изредка, неровно шкурой океана
и заразительно смеется алым, если смеется, зная:
уступка смыслом не стирает топоса поступка,
а только оголяет тщетность говорения и страх...
Итак, усилий взмах – и совершенность вешная,
Миров аллей, настраивающие мозг-приемник
на тета-ритм, вещающий свободно и спокойно:
«И это хорошо!», ныряя во вселенский сонник,
или, напротив, усилий крах: закрытие, забвение
желаний, мечт, потенциалов и любых интенций?

Прыжок без четких перспектив – поступок или
соскальзывание без перспективы как уступка?

«С тобой хочется говорить ...»

С тобой хочется говорить
На всех возможных языках,
И на всевозможных языках
Хочется с тобой молчать

– понимание размыкает слух
и снимает с уст печать —

С тобой хочется мечтать
Рядом, взглядом не касаясь,
Трепетным теплом ласкаясь
Хочется с тобою бытовать.

«чем раньше тем быстрее чем старше тем дальше ...»

чем раньше тем быстрее чем старше тем дальше
проникает взгляд да и со всей сини спешит назад
к сетчатке
век краток
но никто и
не спорит
лишь вторит
слабой улыбкой которая тонко и зыбко кружится
в теплых зрачках в уголках губ и просится с рук

«Последняя Книга пульсирует ...»

Последняя Книга пульсирует
Точкой,
Кровоточит соком, червоточит
Почвой,
Ветвится через своих чад,
Зеркалит
Полночь черноты и сад
Сознания;
Почти авторская отдушина,
Отчасти
Цель и плод предыдущих
Двоичных кодов.
Последняя Книга читает себя
Взахлеб:
Сразу с начала и сразу с конца,
Не доходя,
Точно в немощи, до корешка.

Берегоморе

Знаешь, у этих берегов нет твердости:
Условность, аморфность в них выдает
Налет чьей-то фантазии, фантомность.
Может, глазами незнакомца эти берега —
Лишь блики солнца, проекция или сон:
Проекция сна на реальную странность,
Которая обстоятельнее, чем проспект;
Вот сейчас заглянуть бы в кафе на обед.
Но плывем вдвоем, солипсизм на двоих:
Каждый – образ Другого в сердце своем.
Значит, не солипсизм, а иной уже «-изм».
Хотя даже работая всеми конечностями,
До заката нам не успеть, но к вечности —
Наверняка. Ты забыл все про те берега:
Скоро солнце начнет садиться – нам бы
Поторопиться, чтобы с ночью не слиться.
Но смотри: берега сочетаются с морем, и
Берегоморе нам вторит, в нас переходит.
Различение вскрывает личины и – sorry —
То, что «между», – невольно в сравнение,
Как и предсказуемость акта мышления
По подобию, – а ведь с этого все началось.

«И ЧТО ТЫ ВСЁ ЗОВЕШЬ СИРЕН, ИНКУБОВ, АНГЕЛОВ И СОВ ...»

и что ты всё зовешь сирен, инкубов, ангелов и сов
в гости? а встретишь – убегаешь или лжешь
о шершавой и колющей, как еж, коросте;
скрываешься под лестницей вещей в плотном
пропахшем потом предметном росте;
стоишь бледнея – теменем ища солнце,
а найдешь только – колосишься и зреешь,
благоухаешь, цветешь – сорняк и рожь —
и, тыкая в сирен, инкубов, ангелов и сов,
твердишь который раз одно – о невозможности
жить полноценно и легко коротковолновым
в удушливо красивом жарком красном,
а мы, значит, напрасно на другом режиме?!
так что ж ты звал нас яростно и хрипло,
липко, знаешь, – большей частью – липко:
чтоб ветер наш учуять, чтоб крикнуть на аллюре
– свершениям всем – всем поцелуям:
я – здесь, я – томный дикий непролазный лес,
я разрастаюсь медленно; темнея, задыхаюсь:
мне нужен ваш приход и – понимание в идеале,
ты нас сзывал подряд, как стаю; мы – не стая.
где, кстати, руки можно здесь помыть?
а полотенце? рассказывай, коль хватит сердца.

«С какого-то момента мы подобны сообщающимся сосудам ...»

С какого-то момента мы подобны сообщающимся сосудам,
Ведаем друг о друге без объемных строений бытовых сред,
Что больше похоже на чудо, но верующих в него почти нет.
Значит, и есть Чудо – сопряжение и чреслами, и судьбами,
Течениями и обращениями в золотом сечении лет.

На свет нас зовут синие птицы, новые лица, старые карты.
Уплотненность дней разжижает металлы, перебирая гаммы
Оконной рамы; я барахтаюсь слабо в околоплодных водах,
Истекаю семенной пеной, застывающей стутками смальты.
Какие еще смешения входят в состав амальгамы?..

Синецветики

иногда нас совсем мало —
а порой мы воплощаем
назовем это чистой
однако, о сознании,
хотя оно фрактально
духовным ростом и соитием.
мы, словно летучие мыши,
нас упрекают в лихих мыслях —
обозначим это желаемым
несмотря на то, что желаемое
противоположно вовсе
поэтому желаемое для нас — повод выспаться.

в предельных числах;
феномены чьего-то сознания:
любовью и пониманием;
в основном, расплывчато, кисло,
нас связывает всех развитием,
на перекладине дней повисли;
повод озвучить спам-истины:
социальной машины,
отлично от глубин ожидаемого,
необходимо витальному.

«Вот как формируются массы?...»

Вот как формируются массы? Ведь в природе масс нет.
А рой, стадо, табун, муравейник, прайд, стая или община
Суть защищенная биосоциожизнь целостности и единицы,
Обустроенная через культ вынесенного вовне расширения.
В принципе, в массе – своя защищенность, подобная жиге.
Но почему ближе стала масса, заменив био-, социо-, жизнь?

Предположим, nova vita – слепок, посмертная маска, модель
Ценностей, ориентиров, программы поведения и мотивов,
Привитых через НЛП, двойное кодирование, ранний секс.
Спрашивается, кто именно занимает твое пространство-время,
Когда в движении, сопротивляясь силе всеобщего притяжения,
Ты, подобно бозону, переходишь из небытия в бытие и обратно?

Ладно бы гамлетовский вопрос – экзистенциальный переворот,
Но когда в ритме машины, монотонно и атомарно, стирая шины
На поворотах социальных ожиданий и / или самооправданий,
Понимаешь глубоко, ясно, пронзительно, тошнотворно, до ора:
Вот она – твоя единичная наличность и проявленная жизнь;
Прыгни в нее – и захлебнись ее горячей соленой любовью.

Глаз на прогулке

Когда художник-фигуративист,
Неважно, кто он – реалист или примитивист,
Создает композицию – он ведет глаз зрителя.

Когда философ-гносеолог,
Неважно, кто он – аналитик или семиолог,
Артикулирует пролегомены – он ведет глаз читателя.

Когда политик – предтеча народа,
Неважно, кто он – оппозиционер или традиционалист,
Озвучивает риторические фигуры речи – он ведет глаз рода.

Когда художник, философ, политик
Дают объяснительные модели реальности как тотальности,
Мозг отпускает каналы восприятия на поиск нового.

«облака нарезают небо свежими ломтями лазурита ...»

облака нарезают небо свежими ломтями лазурита:
беглому рисунку вторят ритмы вспаханных полей,
что усеяны колосьями взошедших робко пахарей:
кто из них с лозунгами, кто с магнитами, а кто с...
выбери любого, далее – пасутся стада пастухов:
каждый – со своим псом, персонификатором его;
что ты скажешь, амиго, киник бродячий Псой?

планы зеркалят области ломкими плоскостями,
играя на статике движущихся в вакууме табунов /
динамике поющих сопрано межфигурных пустот;
вот проплывает почти рядом с глазами чей-то рот,
а вот – существо с вывернутыми наружу органами
из анатомического театра приветствует свою тень;
что ты скажешь, амиго Диоген? – как прошел день?

а цвета дразнят и суеются совершенно излишне:
любой лишний – лишен дополнения и контраста;
я стою в черте локальных и голосистых гласных,
ко мне поспешает Франсуа Рабле – здоровья тебе!
кадры сменяют кадры, картины смещают картины:
пастухи – в тине, пахари застряли в сизых хлебах;
что ты скажешь, сатирик? – ничего! вот о том и я.

«И никаких параллелей!..»

И никаких параллелей!
Лучше свирель метели,
Предсказуемый холод,
Порядок и ход мыслей,
Матричный срез клетки,
Набрасывающий сетки
На все био-, чтобы био-
Так не било по нервам,
Приближая к арт-акции
Систему орг. реакции.

Абсолютное принятие —
Отчасти и есть снятие
С бед «во плоти» бреда,
Смещение воза зрения,
Мира с мировоззрением.
Пример – судьба Лира,
Которая не вдохновила
На свершения «во имя»,
Хотя имя тогда и было,
Но «напротив» трубило.

«Напротив» – не натиск,
Даже не оттиск – поиск
Дистанции или подобия:
Пособие по управлению,
В котором воля, веление
Спущены в комментарии
И требуют обновления, —
А минимум реставрации,
Причинно-следственной
Инициации знака и кода.

«Конечно, ведь завтра – не конечное ...»

Конечно, ведь завтра – не конечное:
настоящее сбрасывает совершённое,
обновляясь, как змея, гладкой кожей,
как лишенная хвоста ящерица позже
обзаводится новым хвостом и еще.
Но не грушу: только в землю молчу.
Земля: молча в ответ, сохраняя завет
невмешательства в препирательства
настоящего – беглого каторжника,
настоящего, таящего и отторгающего
сложности – ложности – возможности,
брошенные в печь: пустое в порожнее,
настоящее, которому, увы, не сберечь
ничего. Я иду, ничего-ничего. Молча
в землю смотрю. Еще – не конечное,
и к тому же размышления о вечном —
всегда кстати: восприятие в квадрате.

«есть у дождя четыре техники письма ...»

есть у дождя четыре техники письма:
графически – по душам тонко, тушью;
клинописно – по садам и хлам-вещам;
иероглифически – по детским личикам;
живописно – ультрамарином по нивам
с радугой из прока, краплака и яри,
с добавлением кобальта и киновари;

есть у дождя время для наслаждения,
удерживающее его от зуда артерий;
бег перистых и кучевых впечатлений,
прилив, и жажда, и стыд наваждений,
смещение в цветопись ядер энергий,
жар внутренний – жар сочленений
солнечных лучей и ливневых дождей.

«И Я ВСМАТРИВАЮСЬ В ТЕБЯ ...»

и я всматриваюсь в тебя
как в неведомый пейзаж
пейзаж открывает глаза
и нежно впитывает меня

мы играем на узнавание
а дорога скользит ровно
искрясь тонко терракотой
лес входит в новый цвет

я была здесь так долго
возвращаясь раз в сотый
мыслями в яркую акварель
где неистовствует апрель

мелькают липы и тополя
где благоухает свежо мята
и трасса сворачивая в себя
остается в моем «навсегда»

Каштаны

Каштаны – к поздним плодам, а не к осени. От осени пусть останутся только крик красок и длинные тени. В поздних плодах особенно поражает истоинность и собранность жизненного рывка. Поэтому все это красочное многоцветье – сочный выстрел перед белой тишиной.

1

от звуков абстракции
– геометрия вариаций,
просвеченная сквозь
призмы вещь-свойств,
– единственный брод
хаосфона: матери род.

2

значит, вот так сворачивается время,
мелькая днем и ночью попеременно:
изнанкой и лицом, лицом, изнанкой,
мягко ускользая или играя в прятки
с желанием всерьез поймать вопрос
начала и конца – рубца от перегиба,
чуть истончаясь в серебристо-синем,
вальсирующим оттеночно от сини —
к иссиня-черному и к голубь-белому
вобравшему в себя цветовселенную.

Я тогда, конечно, испугалась свободного падения в бесконечность, где поступки и предметы лишаются своих качественных характеристик и являются лишь знаки присутствия. Отчего уход в минус форм сопровождается депрессия и бром? Всегда есть шанс вынырнуть в противоположном.

3

почему сейчас, когда я исчерпана, некрасива,
когда нет ни чувств, ни движения, ни силы,
ты обрушиваешься, как весенний ливень?
и бесцветные глаза, волосы, все свои сердца
я опускаю в тебя, пытаюсь расти незаметно,
но старания тщетны, т. к. наигранно лживы,
неудержимо меня разносит по твоим венам:
и я режвлюсь и стенаю, льюсь и проклинаяю
одновременно; не помню – знаю мгновение
всем существом податливым и верным.

4

весь день вдоль противоположных сторон
брожу, скитаюсь и прогуливаюсь со сном,
как с бездомным, тобой брошенным псом,
отвечающим мне глазами, носом, хвостом
на любое совместное со- / чувство в плане
– на сослагательность первых очарований;
впрочем, он – ведь сон, он все понимает,
даже то, что еще не приблизилось к яви.

5

цветут глаза, цветут рассветы – лето!
мы забегаем друг к другу ненадолго,
сразу с порога: *только ненадолго*;
на севере каждый третий из встречных
– служитель культа древнего Ра; а
кстати, и Сфинксы совсем ненароком
в оптике топоса оказались под боком.

6

стремление развивает массу способностей:
а способности в основе новые био-отрасли:
рост онтоизменений с амбицией на фило-:
было время, когда всё био- только и было,
что глупым планктоном в чреве огромном;
а после мы стали, как деревья, взрослыми;
на случай: если и филопрорывы наскучат —
мы причалим к берегам синими лучниками.

Как синими? А с каким у тебя еще цветом ассоциируются легкость, изменчивость и подвижность состояний?! Нам ведь так хочется жить во всех реальных и потенциальных, параллельных и пересекающихся мирах.

7

и какая уж тут жизнь взаимы?! свою бы донести
в душе, сердце, чреве, в стихах и в лет кружении
до тебя, твоих уединенных рассуждений вслух:
пробуждение – голос глухого, уходящий в космос,
минуя чьи-то чужие уши... невидимка, летун,
говорящий морем и испаряющийся еще до суши;
суть голос, не знающий своего тела, голос предела,
голос души всех душ, не ведающий звуковых туш
и отвлечений, несовместимых с предназначением;
голос без слуха, которому свыше дано не слушать,
но слышать, что прерогатива вовсе не уха, а духа.

8

сохранение и изменение —
закон природы, сохранение
– закон рода, изменение —
закон породы, от рода до по
роды – схватки и обмороки:
преддверие надежды и пути.

Каштаны – к поздним плодам, а не к осени. От осени пусть останутся только крик красок и длинные тени. В поздних плодах особенно поражает истошность и собранность жизненного рывка. Поэтому все это красочное многоцветье – сочный выстрел после долгого созревания.

Предвосхищение

у меня ощущение глубокой весны
весны всю
но северный город так не считает
у меня с ним отношения
как со старым любовником
который все понимает
с полу- без слов с первородных основ
и все-таки разрешает
быть кем угодно когда пожелаю
да хоть собой
вот поэтому я и усердствую жадно

«Физика взорвавшихся звезд ...»

Физика взорвавшихся звезд:
Ткань человеческих свойств.

Выпрямление в полный рост:
Послание жизни – зов и мост.

Ритм пульса – купола на новь
И преследующий порт-погост.

В зиянии хаоса: и сор, и сорт
Топологически кочующих зон.

Расширение: сон эонов-монад,
Сжатие: теряющий форму сад.

Судьбы человеческих свойств:
Метаморфоза природы звезд.

«Каждая новая жизнь, как страница на латыни ...»

Каждая новая жизнь, как страница на латыни:
Читаема и переводима с трудом; хотя потом —
Напрочь забыта. Но остаются чуткости нити,
Проступающие на смытой странице лицами.

Точно памяти не обойтись без литер касаний,
Выстраивающих ежесекундно ее башню небес,
Наполняющих судьбы своим повествованием:
Пустотами, спиральями и знаковыходами в лес.

«Я летела, отдавшись потоку ветра ...»

Я летела, отдавшись потоку ветра,
Для меры восприятия незаметной,
Отдаляясь, сближаясь с током света,
Отпуская по водам свои лета: хлеб

Памяти – фрагменты суть кинолента
С заранее закрученным сюжетом, пере-
кроенным и перешитым многожды,
В поисках смысла и логики, может

Быть первичнее осуществления —
Разновекторный танец творения,
В котором произвольное движение
Еще наполнено и дышит веянием.

Сад Рёандзи

Кто часто погружается в тот сад,
в нем видит не песок, не гравий,
а тихий шелест и морскую рябь:
знакомый уху музыкальный лад;
тот различит созвездий острова,
улавливая их короткое дыхание;
в хорах четырнадцати молчаний
услышит он пятнадцатое рядом:
то, что умеет с сердцем говорить.

Вот так и я незримо буду плыть,
на расстоянии и течения меняя,
чтобы когда-нибудь себя открыть
любимому и любящему взгляду.

«ИСТОЧНИК СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ – НЕ СКРИЖАЛИ ...»

источник свидетельствования – не скрижали,
а тайна возникновения и увядания,
роста и шелеста листвы,
перехода на *ты*,
доверия;

мой ангел,
одухотворяющий пребывание, а не таяние
сил под образами, прозрел – сверх стрел —
что сердцу полета в опереньи нет прока;
изображение – облаченный в символ удел
отлученных;

при-частие прежде срока: слово, рожденное
как предварение любого рождения,
порыв в цвет и становление,
развивает в речи
жизнь.

«В дыхании утра растут минуты ...»

В дыхании утра растут минуты
и колосятся в радостной вести
строчками притч в Книге песен.

Голосист и весел северный ветер,
резвится лихо в сапфире листьев
светотенью их трепетных кистей.

И близко в волнении моря травы,
скользящей меж пальцев, лаская,
нежность ширится, как небо мая.

В пастели рассвета цветут глаза
и пахнут вдохновенной встречей,
переливаясь синецветной речью.

«КОГДА Я СЛЫШУ ТЕБЯ В ПЕСНЕ ПОЛЯ ...»

когда я слышу тебя в песне поля
нежного, польнного, спокойного,
мне становится радостно, больно
ловить душный и сочный воздух
мелким сачком грудной клетки
вперемешку с летним раздольем
лиственных зонтиков и розеток.

когда я узнаю тебя в терпком зове
цветущих яблонь, таких вольных,
что рядом с ними и волны волос,
и волны моей беспокойной крови
чувствуют жизнь трепетно, ново,
легко, уверенно, почти спокойно,
неся в себе созревшие ее черты.

Федерико Гарсиа Лорка

На белом старом рояле
– как верный предтеча —
горела узкобедрая свеча,
в порыве огненном она
остригла вдовьи косы,
башней разрушенной
замерла в пустоте окон.

Любое творение – стон и
в долгом рождении своем
повергнет тварного творца,
и на трофеях старца Бога
выложит мозаику дворца
прелестной ненужности.

Но пролилась музыка
семицветным потоком
через плоть сумрака, и
та свеча разгадала сон
колокола – затворника,
покинутого звонарем.

Ненужное необходимо
как имя, знак различия,
маятника ход и кадило;
и прежде тепла светила,
город, устав без наживы,
без устали и неотрывно
будет жертвовать впрок.

Веста

Ее звали Веста. Она не прекращалась: плескалась в переливах лета, смеха, загоралась новой идеей и выпускала ее из рук, как мяч, находила постоянно диковинных жуков, бабочек, камушки, стекла, – словом, то, что можно долго и близко рассматривать или наблюдать, как это что-то ползет, летит, сверкает на солнце. Веста звучала, постоянно звучала тонким, звонким, свежим ручейком, который воодушевляясь становился прозрачным летуном, прозрачнее своих серых зернистых глаз, бегал и журчал, мелькал острыми коленками и пятками, переливаясь охристыми оттенками белокурых мягких волос, то шлепающих по плечам и спине двумя косичками (при ее-то непоседливости!), то плывущих прядями по течению ветра (допустим, этому я ее научила). «Веста, расплети косы!». Веста расплетала, и начиналась история. Мы обменивались именами: она называла меня Вестой, я ее – Викой. От родителей ожидалось хотя бы понимание, в идеале – участие в нашем обмене именами. С ней было радостно рисовать на асфальте и стенах, прятаться, стирать кукол и кошек, ловить языком дождевые капли, смотреть друг другу в глаза, пока хватит терпения, говорить. Мы тогда много говорили. Я чувствовала ее всеми фибрами своего существа, а иначе с ней невозможно было дружить. Стоило Весте остановиться, и она растворялась в потоке цветов, запахов, шумов, и найти ее можно было только по ее струнным вибрациям, колебаниям воздуха. Через год Веста с родителями уехала в Польшу, а у меня был еще год до ответственного семилетия и безвозвратного ухода во взросление.

«Пусть сказанное слово воплотится ...»

Пусть сказанное слово воплотится,
Представ соединительным союзом
Материи и времени, матери – отца,
Просеянным чрез ситце испытаний
Для благолепного примера и венца —
Энергия, но с амплитудой колебаний
В имени – во имя Духа, Сына и Отца.

Однако, материнской еме нет конца —
Она в себя вмещает и пустоту, и небеса,
Как если б космоемкостью была вода,
Вобравшая морскую живность и леса,
А за пределами оставив сушь и острова,
Как если бы идея космоемкостью была,
Чья глубина этапам восприятия равна.

«Виктория – все-таки имя нарицательное ...»

Виктория – все-таки имя нарицательное,
поэтому предшествует восклицательным
знакам —
оно не шелестит осенней листвой, но
бравурно и громогласно:
в нем, право, достаточно гласных
для громогласности.

Но если-таки Виктория – собственное имя:
тогда, как объяснить его стремление
к минимализму:
до Ви, Вика, Тори – уж не оттого ли,
чтобы укрылось «кто»
танцующим мостом и сном; а на потом —
собственно имя?

«Гармония небесной пустоты...»

*Двигайся, как луч света,
Летай, как молния,
Бей, как гром,
Вращайся вокруг
Устойчивого центра.*

Морихей Уэсиба

Гармония небесной пустоты,
Где плавные пушистые цветы
Рождают некую иллюзию мечты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.